

Литературный МАЯК

№ 7
(235)

Выпуск подготовлен при спонсорской поддержке СХПК Комбината Янеличный

Слово редактору

Любезный читатель, здравствуй!

Вот и июль промахнули, макушку лета... Однако же пора отпусков, дачного отдыха и дачных работ, рыбалки - в самом разгаре. Не говоря уж про грибы и ягоды... Всё впереди! Всё есть и будет: мягкий шелест травы и листвы, мох и хвоя под ногами, спрятавшийся за пнём подосиновик, ягодные россыпи и гроздь - всему своё время и место...

Время и для чтения. Например, свежего номера «Литературного маяка».

Спасибо нашим авторам! Можно побывать, читая этот номер, и на Енисее, на малой родине Виктора Астафьева, и в Белозерске - одном из самых поэтических городов России. Сергей Орлов, Сергей Викулов, Леонид Беляев, Алексей Шадринов - все белозёры. Может от самой древности белозерской земли дано им было прозревать будущее и прошлое...

Но силой поэтического прозрения обладает и замечательный современный поэт из Москвы Александр Кувакин. Это, видимо, общее свойство истинной поэзии - проживать душой свою и чужую боль, и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Подтверждают это и стихи Николая Дегтерева из Шексны, и Андрея Климова из Красавина.

Интересна и проза этого номера. Рассказ архангелогородца Дениса Макурина - на военную тему. Но он не только об ужасах войны (куда уж от них-то), он о душе живой, страдающей, ищущей...

20 лет как нет с нами Леонида Беляева, который написал когда-то:

*У дощатого забора на скамейке
Хорошо сиделось
маленькой семейке
В том районном городишке,
в огороде,
Дня июльского
на медленном исходе.
Поработали:
и кустики, и грядки
Все прополоты и политы -
в порядке...*

Дай Бог, чтобы для каждого нашлась в июльский или августовский день своя скамейка у забора...

**Дмитрий
ЕРМАКОВ.**

Читатели «Литературного маяка» привыкли читать краеведческие материалы Александра Кузнецова о родной Вологодчине. Сегодня - материал из Сибири, но именем Виктора Астафьева он крепко связан и с нашим краем...

Александр КУЗНЕЦОВ

В Овсянке у Астафьева

Три дня в поезде по дороге в Сибирь не прошли даром: я, не отрываясь, читал замечательные произведения Виктора Астафьева - «Последний поклон» и «Царь-рыбу». В моей домашней библиотеке есть два номера широко известной когда-то в Советском Союзе «Роман-газеты» - за 1971 (№ 672) и за 1977 (№ 819) годы - с этими повестями Астафьева. Их я и взял с собой в путь... Страницы уже пожелтели, но литературная ценность произведений ничуть не снизилась и спустя почти полвека после публикации. А какие тиражи были в то время! Полтора миллиона экземпляров! Тут надо бы поставить несколько восклицательных знаков... И ведь люди моего поколения знают, что на «Роман-газету» тогда почти невозможно было оформить подписку через почтовые отделения. Такова была тяга советских людей к хорошему чтению.

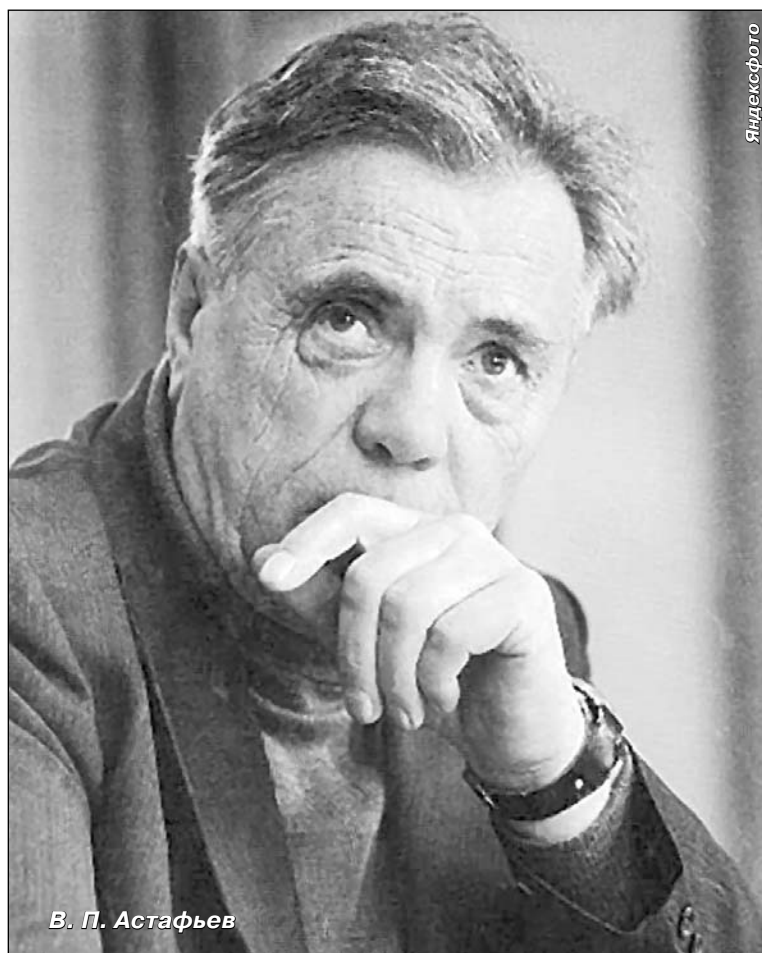
Конечно, я и раньше уже читал и «Последний поклон», и «Царь-рыбу», но в поезде перечитал всё снова с огромным удовольствием, которое подпитывалось ещё и тем, что по планам в Сибири на нашем пути должна была быть Овсянка - малая родина Виктора Петровича. Деревня, где прошло его детство, и куда он вернулся в 1980 году из Вологды. Сам писатель объяснял свой отъезд с Русского Севера в родные края проблемами со здоровьем, надеясь, что в сухом сибирском климате его лёгкие поправятся и у него появится больше времени на творчество. Так и случилось. Зимами Астафьевы жили в квартире микрорайона Академгородка в Красноярске, а на всё лето переезжали в Овсянку, где Виктор Петрович купил небольшой дом, даже, скорее домик на той же улице, где раньше стояла изба и придворовые постройки семьи его деда и бабушки.

Вообще, в Овсянке и в целом в Сибири меня поразили неболь-

шие по размерам дома в чалдонских деревнях и сёлах. Два или три окна по фасаду, пол - прямо на уровне земли, про вторые этажи и речи нет. Скорее эти избышки похожи на южнорусские хаты, чем на избы-дворцы наших севернорусских крестьян. Это недоразумение для себя я так и не смог разрешить: как так - огромные просторы свободной земли, строевого леса - навалом! И в то же время люди строили для себя такие вот домики, по площади больше похожие на наши вологодские бани!? По-видимому, это до сих пор ещё не изжитая традиция первых переселенцев в Сибирь, стеснённых материально, из-за чего им и приходилось ограничивать свои жилища. А может, суровый климат виноват?

От Красноярска до Овсянки дорога идёт по правому берегу Енисея, то взлетая в горы, то опускаясь в распадки. Есть участки с настоящими горными серпантинами. Конечно, это не та дорога, по которой Виктор Астафьев хаживал в детстве и юности из своей деревни в город. Когда писатель вернулся в Овсянку, её окрестности коренным образом изменились по сравнению с довоенными годами. Чуть выше по Енисею была построена плотина крупнейшей Красноярской ГЭС, рядом с которой возник новый город Дивногорск. Мимо Овсянки прошла ветка железной дороги и автомобильное шоссе, а реку в нескольких местах пересекли линии высоковольтных электропередач. Однако, несмотря на все новшества, появившиеся в годы советских семилеток и пятилеток, Овсянка сохранила свой старинный облик, а Енисей всё так же стремительно несёт свои холодные воды между высоких скал, которые по местному именуются «быками».

Домик Астафьевых ныне - музей писателя. В нём всё сохранено так же, как и при жиз-

В. П. Астафьев

ни Виктора Петровича. Небольшая веранда, крошечная кухонька и такой же кабинет с письменным столом. Чуть побольше третья комната - горница. На стенах - многочисленные картины художников. Мне было приятно увидеть в домике Астафьевых две работы признанного вологодского живописца Георгия Ивановича Попова - «Сентябрь» и «Июньские сны». У последней есть ещё и второе название - «Пьяная неделя». Эту картину Виктор Петрович очень любил, по-видимому, переносил сюжет с молодым парнем - главным героем картины - на себя, на свою судьбу.

Во двореке установлен памятник писателю и его супруге Марии Семёновне. Авторы - скульптур В. Зеленов и художник В. Гирич. Памятник очень хорош во всех отношениях. Тут же, на участке, сотрудники музея продолжают высаживать и выращивать те же самые овощи, за которыми любил ухаживать и знаменитый писатель.

Через дорогу от домика, где работал Виктор Петрович, недавно полностью восстановлена усадьба его бабушки Екатерины Петровны. Конечно, это новодел, но создатели экспозиции по повести «Последний поклон» постарались воспроизвести все детали и особенности деревенского дома, его интерьера. Тут же - снова гряд-

ки с луком, морковью, картошкой, огурцами, всё, как в «Оде русскому огороду».

Как известно, на одну из литературных премий Виктор Петрович построил для своих односельчан библиотеку. Снаружи и внутри здание отделано местными породами камня, поэтому выглядит монументально, хотя по размерам не так уж и велико. В библиотеке был личный кабинет писателя, куда он любил приходить, полистать новые книги и газеты, попить чаю с работницами. Что-то я не помню больше подобных примеров, чтобы известнейший писатель на заработанные своим трудом деньги построил библиотеку для народа, а не особняк для себя на берегу реки в запретной для строительства зоне. Этот поступок заставил меня уважать русского писателя Астафьева ещё больше...

Я не во всём согласен со многими высказываниями Виктора Петровича последних лет жизни - и про Великую Отечественную войну, и про русский народ, и про политическую ситуацию в тогдашней России, но это - его личное мнение. Писатель и человек Астафьев для меня продолжает оставаться образцом честности и справедливости, а его произведения я, как и миллионы наших соотечественников, считаю прекрасными образцами прозы XX века.

Дорогие читатели «Литературного маяка», с удовольствием представляю нового талантливого автора! За писателя говорят его произведения. Прочтите этот рассказ, я уверен, что он не оставит вас равнодушными. Надеюсь, что рассказы Дениса Макурина ещё не раз появятся на страницах нашей газеты.

Д. Е.

Подбросил пару поленьев в буржуйку, подлил себе ещё немного горячего кофе из котелка, чёрного, как смола, присел на скамью и, обхватив кружку двумя руками, сделал глоток.

Армейский кофе не имеет ничего общего с тем кофе, что люди привыкли пить, просыпаясь у себя в тёплой квартире по утрам. Ароматный кофе из кофеварки, обязательно с сахаром и разбавленный сливками, нежный и в меру горячий, его пьют, чтобы продлить удовольствие от сна. Пьют не спеша, пьют маленькими глотками и строят планы на день, а может быть, досматривают сон. Армейский кофе не похож на тот кофе, что привыкли пить в офисе. Тот, что обычно пьют во время рабочего дня, из кофемашины, с плиткой белого шоколада или конфетами «рафаэлло», обсуждая с коллегами последние новости. В армии кофе без сахара, он такой же ароматный, но с запахом костра. Его пьют, чтобы быстрее согреться и отвлечься от происходящего, чтобы вспомнить, как ты пил каждое утро тот самый кофе со сливками - дома.

Звучит команда: «Рота, строиться! Форма одежды любая!» Все, как один, отбрасывают свои дела и выбегают из палатки, накидывая бушлаты на ходу. Торопятся, но без лишней суеты, становятся в две шеренги. Наш третий взвод в полном составе, второй и первый от силы процентов пятьдесят. Одно отделение первого взвода ушло в разведку два дня назад и до сих пор не вернулось с задания. Надеюсь, у парней всё хорошо и вылазка пройдёт гладко. В задачу того отделения входит: выявление и уничтожение группы боевиков из семи человек, которую заметили с воздуха, на одной из высот, расположенной в сорока километрах от нашего лагеря. Эту шайку непременно найдут и ликвидировать.

Мы так с января воюем, шастаем по лесам и высотам, как партизаны. После тотального разгрома вражеской армии, боевики рассредоточились на мелкие группы и ловить их стало невероятно трудно. Днём они отсиживаются в землянках, а по ночам, как вурдалаки, делают своё кровавое дело и обстреливают наши позиции.

Второй взвод понёс серьёзные потери в уличных боях, примерно два месяца назад, а пополнение ещё не прибыло. Его, кстати, ждут со дня на день. А пока построились все кто есть, и картина довольно удручающая.

Командир роты открывает список «Вечерней поверки» и не торопясь начинает выбирать двадцать человек, отсеивая тех, кто ещё не отдохнул с караула и кому заступать в усиление. Назначив ответственного группы и составив короткий список, в котором оказался и я, капитан даёт команду: «Выйти из строя». После чего ставит простую задачу: доставить бое-

припасы и сухие пайки на высоту закрепившейся и окопавшейся там десантно-штурмовой роте. Звучит команда: «Пять минут на сборы!»

В подобный караван я ходил уже с десяток раз, знаю, что служба снабжения затарит килограммов по двадцать в каждый вещмешок, а ты карабкайся с ним на высоту по узкой горной тропе. Поэтому, как только зашёл в палатку, первым делом снял подкладку у бушлата, чтобы потом было не жар-

ков с минами в бортовой «Урал», ещё пара минут - и вот мы уже усаживаемся на броню у БТРа, отряхивая с ног огромные шматки грязи. Первым выехал БТР, оставляя после себя синее облако дыма, через минуту, подёргиваясь и громко урча, тронулся «Урал». Помню, тогда подумал: «Ну всё, с Богом».

Едем где-то час, может, чуть больше. И я, если честно, уже замёрз и начал дрожать, как осенний лист. Мне жутко надоело вот так просто сидеть и вглядываться в туман. Не терпится как следует размяться, скорее бы уже доехать.

Выезжаем на берег реки

ходу, кусок откусываю, остальное растираю по лицу. Чувствую, как приятно защебило кожу, и тут же начали гореть щёки. Прошло-то минут пять всего после слов лейтенанта, я уже представил, как опустошаю полфляжки за раз. И тут началось!

Из-за деревьев и камней повылезали проститутки бородатые, как черти с табакерки, и давай лупить по нам со всех стволов, будто мы мишени в тире!

Где-то скинул рюкзак, спрятавшись за ствол дерева, стреляю очередями почти наугад, перед глазами всё плывёт, адрена-

пор живой». Засыпаю...

Кажется, мы в лифте, доктор светит фонариком мне то в один глаз, то в другой и задаёт вопросы, я максимально собран и сосредоточен, но язык не ворочается, сил нет. Мне кажется, я чувствую боль, но где именно, понять не могу. Закрыв глаза, чувствую и слышу, как распаривают форму. А я думаю: «Жалко, ведь новая совсем». Снова засыпаю...

Просыпаюсь с ноющей болью, моя голова просто раскалывается. Хочется пить, слабость в руках и ногах, такое впечатление, будто у меня жуткий похмельный синдром. Я в палате реанимации, укрыт белой простышкой, к носу подвязана трубка, по ней подаётся кислород, к пальцу на левой руке прицеплена какая-то прищепка с проводками, на правой руке капельница. Заметив движение, ко мне подходит медицинская сестра, молоденькая, симпатичная.

- Доктор, он очнулся!
- Сейчас я подойду!

Доктор подходит через пару минут со словами: «Да ты в рубашке родился». Я уже улыбаюсь и пытаюсь пошутить, но сил совсем нет и поэтому отвечаю ему шёпотом: «В бронежилете».

Неожиданно начинаю задыхаться, сердце сжалось и замерло, вижу, как все в палате начали бегать! Меня спрашивают: «Где болит, где болит?!» - а я не могу сделать даже вдох и начинаю рычать, от бессилия! Медленно теряю сознание...

Теперь я точно умер, только попал в ад! Опять ошибались те, кто рассказывал о подземелье, расплавленной лаве и истязаниях.

Кругом темнота, сплошная мгла, нет ни верха, ни низа, ни права, ни лева. Я будто парю в невесомости, я один во вселенной, и в ней нет луны, солнца и звёзд. Не нужно дышать, не нужно думать. Ад - это беспомощность и вечное забытьё, ад - это когда ты ничего не чувствуешь и абсолютно один. Что может быть страшнее?

Я очнулся от невыносимой боли, рядом стоял задумчивый доктор и что-то говорил медицинской сестре, а медсестра с мокрыми глазами, улыбаясь, убрала шприц и, потирая мою руку кусочком ваты, сказала: «Я в первый раз так сильно испугалась, но теперь всё будет хорошо. Ты помнишь, что ты мне говорил?» Я чуть заметно помотал головой и переспросил: «Я? Когда?» А она продолжила: «Только что. Я держала тебя за руку и просила не умирать, говорила, какой ты хороший и совсем молоденький, а ты ответил, что ради таких слов будешь бороться до конца!»

Странно, а я ведь и правда не помню, что говорил. И вроде окончательно пришёл в себя и чувствую, что силы возвращаются, а вспомнить своих слов не могу. Из памяти будто вырван кусок, огромный промежуток времени. При этом всё же одна мысль не даёт мне покоя: «Что же мою душу вот так швыряет, то вверх, то вниз? Она то белая, то чёрная. Сколько же во мне всего накопилось, что хорошее и плохое в одно перемешалось. Со стороны поглядишь, не душа, а полёт сороки на ветру».

Сорока

Яндекс.Фото

ко идти. Затем выбрал самый легкий бронежилет, посмотрел на каску и шапку, но брать не стал. Подумал пару минут: фляжку взять с водой или гранату, - взял фляжку, сунул один магазин в нагрудный карман под броник, спарка магазинов уже на АКМ, распахнул по карманам спички, сигареты. Привычным движением закинул автомат на грудь. Попрыгал, вроде ничего не мешает и не брякает, выхожу строиться.

Командир взвода построил нас на прежнем месте и ещё раз пересчитал, уточнил маршрут нашего движения и местоположение роты десантников у капитана, затем аккуратно свернул карту в планшет и дал команду: «Нале-во! Шагом марш». После чего мы направились в расположение роты обеспечения. Идти надо было метров триста, не больше, но идти через поле, где грязи по уши, поэтому в строю поднялся недовольный гул. Ну на самом деле, могли бы и машину за нами отправить.

Вообще февраль - это самое отвратительное время на Кавказе. Ночью минусовая температура и выпадает снег, а к обеду всё тает и превращается в грязь. Вот мы и идём, смешивая берцами белое с чёрным. Постоянная облачность, сырость и хлюпанье под ногами действуют просто угнетающе.

Через десять минут мы уже грузим вещмешки и пару ящи-

Аргун. И тут я про себя подумал: «Ну, слава Богу, приехали, а то чуть зад не отморозил». Дальше, куда ни взгляни - валуны, а за ними начинается лес, и БТРу с «Уралом» уже не проехать. Спешились, выгружаем и разбираем рюкзаки. Так и есть, натолкали в каждый мешок по двадцать, а то и тридцать килограммов, не меньше. Мешки бедные, даже по швам трещат. Я зло ругнулся про себя: «Нашли мулов в этих проклятых горах!» И крикнул бы вслух, но подумал: «Что я, тряпка, что ли?» - взвалил мешок на плечи, немного попрыгал, чтобы поправить его у себя на спине, и отошёл от кузова машины.

Парни разобрали мешки, выстроились цепочкой. Первый - старший лейтенант с сапёром, замыкающий - ротный пулемётчик, я где-то в центре. Пошли потихоньку.

Поднимаемся по узкой, горной тропе, только что была грязь и серые валуны, а теперь заснеженный лес. От такой красоты даже дух захватывает, и на мгновение я забыл, где я и с кем. Тропа петляет вокруг вековых деревьев и, кажется, не будет ей конца. Так мы шли, наверное, около часа, сто потов сошло, не меньше. Думаю: «Ничего, терпи солдат, обратно-то належке пойдём, да ещё с горы». Лейтенант кричит: «Полпути прошли, скоро привал!» Я чуть наклоняюсь и зачерпываю снег рукой на

лина столько, что хватило бы троих «с того света» вернуть! Сердце так громко стучит, что не слышу, как лейтенант отдаёт приказы. Ещё талый снег по лицу сползает. Пытаюсь считать патроны, надо бы мелкими очередями, палец на курке, будто деревянный сделался, всё жмёт и жмёт!

В трёх, четырёх метрах от меня раздался взрыв! Это точно он, ни с чем не спутаешь. При этом не было ни раскатов грома, ни запаха гари, только чёрные камни и шматки грязного снега взвились в воздух и замерли! По времени - это доли секунды, а мозг, как фотоаппарат, запечатлел картинку и всё. Всё! После этого темнота! Вся суета разом исчезла. Оказывается, умирать в восемнадцать лет совсем не страшно.

Через какое-то время прихожу в себя и чувствую, что меня тащат под руки два человека. Я лицом вниз, мои ноги волочатся, почему-то бормочу: «Бросьте меня, мужики, я умер. Вытащите остальных». Они и бросают. Я ныряю лицом в снег и думаю: «Какая бестактность», - и снова теряю сознание.

Открываю глаза, лежу на снегу, вокруг всё мерцает, всё ослепительно белым-бело. Большие сугробы, большие белые шапки снега на деревьях, воздух такой лёгкий, прозрачный и свежий, мне ни холодно, ни жарко, ничего не болит и не беспокоит. Вокруг тишина, нет ничего, кроме оглушающей тишины и белого света. Я в раю!

Кто-то придумал, что рай - это пляж на берегу моря и ты, разнежившись, прячешься от полуденного солнца в тени под пальмой. А кто-то рассказывает байки про врата рая, райские сады и ангелов. Они же ничего не знают. Вот глупцы! Рай - это не место, рай - это безмятежное состояние души! Закрываю глаза...

Прихожу в себя, жутко трясёт и мотает из стороны в сторону. Вокруг темно и сильно пахнет бензином, по звуку надрывающегося мотора я уже догадался, что никакой это не рай, а самый обыкновенный Уазик-«буханка». Про себя подумал: «Раз куда-то везут и очень спешат, значит, я до сих

Александр Кувакин - известный современный русский поэт. Живёт в Москве.

**УТРО
НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ**

Владимиру Кострову

Как соловья ни трави, -
Вечно поёт о любви.

Вечно поёт об одном –
Славит Предвечного дом.

Друг мой! Былые года,
Словно донская вода,

Словно донская печаль
Канули в самую даль.

«Ты их назад не зови», -
Молят твои соловьи.

Красное утро, гряди!
Сердце живое буди.

Взвей над полями рассвет
Долгих, безоблачных лет.

Сколько блаженств впереди!
Белое солнце, гряди!

Друг мой, душа! Не страшись –
Ясная в ясном явись.

Да, все мосты сожжены.
Да, ни детей, ни жены,

Да, только други вокруг,
Да, только солнечный круг.

Пусть впереди - смертный бой.
Белое солнце - с тобой.

... Здесь, у Непрядвы твоей
Вечно поёт соловей.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Геннадию Красникову

Вставай, вставай,
обуленное слово!
Я песню радости спою тебе.
Угрюмый жар пожара мирового,

Пылавшего в твоей судьбе,

Погас. И только ветер гонит пули
По русскому бродвею

день за днём,
Да истукан в последнем карауле
Охвачен красным,
треснувшим огнём.

Вставай, вставай,
измученное слово!
Тебя пытали так, что лишь душа
Одна осталась от всего живого,
Да и у той - ни крова, ни гроша.

Но свет горит.
И на осеннем поле
По золотому чёрное легло.
И в этой непреклонной,
вечной воле
Всплеск лёгкого дыханья
твоего.

И праздничное
налетает чувство,
Что выздоравливаешь ты,
Что пенья русского
весёлое искусство
Сорвёт печать
сердечной немоты.

И как лесов осеннее цветенье
Рисунком нежным
в воздухе сквозит,
Так близкий снег -
не снег, а вдохновенье,
Когда с землёю небо говорит.

ПАМЯТИ МОЕГО ДЯДИ

«Ваш сын, красноармеец Лукин
Николай Александрович, 1923
г. р., уроженец Воронежской
области, с. Грязи, находясь на
фронте, пропал без вести 15
февраля 1942 г. при выполнении
спецзадания по разведке.
Штаб 849 артиллерийского
полка, 8 мая 1942 г.»

Из похоронки.

Красноармеец Николай Лукин
Шёл по войне, не замечая мин.
«Что нам война!» -
друзьям он говорил

Русский ветер

И спирт водой ни в жизнь
не разводил.

«Вот Волхов, - говорил, -
вот Шлиссельбург.
За Ленинград их бьём,
за Петербург».

А после оборачивал свой взгляд
В ту сторону,
где отчий дом и сад.

Где мать с отцом да младших -
братьев пять
И четверо сестёр - родная рать!

Глаза его влажнели на ветру.
«Нет, - он шептал. -
Так просто не умру!»

И боевых товарищей своих
Дух поднимал,
читая древний стих.

Про Куликовский бой,
Бородино,

Про битвы,
в сердце певшие давно.

И впереди немецкий
наглый враг

Бойцам казался
обращённым в прах.

Когда Лукин в разведку уходил,
На Сретенье
снег белый повалил.

Со Сретенья -
рукой подать - весна.
Весна - кругом.
Была ли ты, война?

Восьмого мая
в штабе арtpолка
Над похоронкой
пели все века -

Красноармеец Николай Лукин
Стал в русском небе
вечный русский сын.

**ПАМЯТИ
ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА**

Белое поле. Река до небес.
Умер Распутин?
Распутин воскрес!

И, воскресая с народом своим,
Верит, что дух его необорим.

Необоримы ни совесть,
ни честь,
Если герои Распутина есть.

Если смирием светлым они
Взяли в охрану грядущие дни.

Да! Затопило нас
кровью времён.
Дымом пожарища дом окружён.

Да! В нашем поле
полно сорняка.
Смыслом высоким
не дышит строка.

Но если праведник жив
хоть один,
Слышится веянье
горних вершин.

Плещутся флаги русских небес.
Умер Распутин?
Распутин воскрес!

Любовь - это русский ветер,
Срывающий души в лёт.
Любовь - это свет во свете,
Когда его тьма гнетёт.

От века любви страницы
Кровью написаны все.
Любовь сметает границы
По дороге к весне.

Любовь никогда не обманет –
Только доверься ей.
Любовь никогда не престанет
Волей святой своей.

Николай ДЕГТЕРЕВ

«Только ветер шумит вослед...»

Читатели «Литературного маяка» уже знакомы с творчеством шекснинца Николая Дегтерева. Сегодня - новые стихи талантливого автора...

Когда я отчаюсь,
так ясно представится мне
Знакомая местность
и северный вечер короткий,
Развалины храма,
где выюн обвивает решётки,
И тихая речка,
и поле на той стороне.

Как часто, от вечных сомнений
пытаясь спастись,
Сюда убежал я дышать
этим воздухом хвойным,
И вдруг становился
таким неподвижно-спокойным,
Как древние сосны,
навек устремлённые ввысь.

И глупый мой страх
пропадал неизвестно куда.
Душа оживала
и высшего мира хотела.
И ясно мне было,
что нет человеку предела,
И ясно мне было,
что смерть не придёт никогда!

В сентябре наступает пора:
Пропадёт во дворе детвора,
Дождь закапает,
мелкий и долгий,
И засветятся книжные полки
От закатных лучей золотых.
Мир затих.

И в минуты затишья природы
Засыпать так отраднo и сладко,
Будто этой мы ждали погоды,
И в природе такого порядка,
Будто наши проблемы людские
Вдруг растаяли сами собою,
Мы как будто и сами - другие:
С чистой совестью,
с тихой судьбою.

НА КЛАДБИЦЕ

Стою и с вами говорю,
Как будто бы с живыми снова,
А время по календарю
Стирает образы былого.

И добавляет в мой портрет

За годом год
всё больше линий.

А здесь на нас струится свет,
Спокойный, тихий,
синий-синий.

Нездешний свет, совсем иной,
Его не выразить словами.
Я знаю, этот свет над вами,
А вот теперь и надо мной.

Склоняюсь над мамой,
склоняюсь.
Смотри, мама, я изменяюсь -
Судьба тяготит надо мной -
Над мёртвой склоняюсь живой.

А помнишь,
ты тоже склонялась,
Ты тоже в лице изменялась?
И, к небу восстав от земли,
Глаза твои счастьем цвели.

А нынче - анютины глазки
Цветут на могиле - для сказки,
Для сказки,
прошедшей давно,
Что детством была нам

когда-то,
Для нас, для меня и для брата,
А вместе мы были одно.

Я сын твой, я сын твой! Я знаю.
Я сам теперь сына ласкаю
И тоже склоняюсь над ним.
И тоже, с земли поднимаясь,
Я к Богу теперь обращаюсь –
Чтоб был - и с тобою, и с ним.

Маленький мальчик
В кепке со сломанным
козырьком

Ищет котенка,
Между высокой травой
пробираясь.

Вот он нашёл:
На примятой осоке ничком
Кот лежит старый, облезлый,
с землёю сливаясь.

Маленький мальчик,
Куда ты, куда ты спешил?
Где обронил ты
внезапного счастья минуту?

Вон - оглянись и прозри
Сквозь душевную смуту:
Еле видны
Очертания ангельских крыл.

Здесь, над рекою,
Где вечностью пахнет вода,
Где незабвенно
Все то, что ты яростно тратил,
Не дорожил,
Не хранил,
выпускал из объятий, -

Ни от чего,
Чем ты жил, не осталось следа.

Ветер шумит,
И докучная пена идёт,
И никому
Возвратиться уже не придётся,
Только трава
На песчаном бугре шелохнётся,
Но никого
В ней никто никогда не найдёт.

Занавеску кинув на стол,
Ветер в кухню нашу вошёл.
Засмеялась мама: «Ну вот», -
И закрыла для ветра вход.

Хлеб поправила на столе,
По тарелкам суп разлила,
А потом и Лёхе, и мне
Ложки тоненькие дала.

Мы жевали, глядя в окно,
Как там дождь семенил в окне.
Так всё это было давно,
Что не верится даже мне.

Потому что ни мамы нет,
Ни окна того, ни дождя,
Только ветер шумит вослед,
Занавеску не находя.

Леонид ВЕРЕСОВ, Череповец.

Деревья в честь поэтов в Белозерске

Мероприятие организовали сыновья поэта Леонида Беляева (17 июля ему исполнилось бы 78 лет) - Алексей и Александр и его супруга Л. С. Беляева.

Леонид Беляев

Нас принимали два музея. В доме-музее С. С. Орлова была развёрнута и открывалась в этот день новая экспозиция, посвящённая трём русским поэтам: Сергею Викулову, юбилей которого будет отмечаться в сентябре этого года; Алексея Шадринова, в нынешнем году 25 лет, как он не вернулся из армии; Леонида Беляева, ушедшего из жизни 20 лет назад.

15 июля 2017 года большой творческий десант из Череповца представителей Рубцовского центра и любителей поэзии прибыл на гостеприимную белозерскую землю. Цель - почтить память белозерских поэтов.

Сергей Викулов

Конечно, была и экскурсия по музею Сергея Орлова, который порадовал новыми экспонатами, звучали стихи и воспоминания. Выступающие отметили, что поэтам повезло с малой родиной, с которой они были связаны жизнью и творчеством и которая не забывает своих талантливых сыновей.

От дома-музея С. С. Орлова до культурного центра им. С. В. Викулова, как говорится, рукой подать... Вечер памяти

поэта Леонида Александровича Беляева открыла заведующая центром - Елена Апаренко. Гости памятного вечера от души говорили о судьбе и поэзии поэта Беляева, «череповецкого отличника вологодской литературной школы».

Беляев - тёплый поэт, с юмором и твёрдым стержнем непо-

казного патриотизма, о котором уже в 1965 году так писала газета «Вологодский комсомолец»: «... Юмор, светлая улыбка, органически влитые в его строки, создают аромат, который сразу чувствует и принимает читатель. Сочетание этого аромата и живописности поэзии автора позволило без вся-

Посадка рябин в честь поэтов

Алексей Шадрин

ких натяжек говорить о «Беляевском стихе» и «Беляевском восприятии мира».

Тогда это была очень высокая оценка труда молодого поэта.

На вечере памяти, конечно, звучали стихи и песни на стихи поэта Леонида Беляева, а полным сюрпризом для присутствовавших стала церемония посадки молодых рябинок около культурного центра в честь поэтов Сергея Викулова и Леонида Беляева. В скором времени и другие белозёры, связанные с культурой и литературой края, также будут иметь свои именные деревца.

Андрей Климов поэт, со своим пристальным взглядом на мир, со своим напряжённым, тугим словом. За его строчками-образами - судьба и мысли.

Андрей КЛИМОВ (Красавино)

«Смерть она подождет...»

ШЁПОТ

Дом не спит.
На раскладушке,
В кирпичи уставив взор,
Что-то шепчет о речушке
Мне доверчивый костёр.
Он в печи... Вчера с работы
Я вернулся чуть живой...
Да, зимой иметь хоть что-то
Надо всё ж над головой.
Холод, он не Санта Клаус!
Встретит где, не пощадит...
Дом - с трубой.

В неё, как страус,
Дом испуганный глядит.
Пусть глядит! В седую стужу
И ему, друг, на мой взгляд,
Нужен, нужен, очень нужен
Шёпот, но не про закат...

МОНАХ КИПРИАН

Когда с горки катился туман
И запела у озера птица,
Вдруг увидел монах Киприан
То, чем нам не дано
подивиться.
Да, на горке совсем неспроста
Он построил сам
малую келью...
Видно, чем-то святым
в самом деле
Обладают родные места.
Оно выше греховного злата!
Нам давно бы признаться пора:
Мы на мир смотрим,
словно котят,
Что не смогут прожить до утра...

ИОАНН УСТЮЖСКИЙ

Чу! За рощей
петух кукарекает -
Значит, в путь
собираться пора...

Яндекс.фото

Иоанн воспаленными веками
Отогнал от лица комара,
Поклонился
пригожему кусту,
Где нашёл среди ночи он дом, -
И побрёл
к деревянному Устюгу,
По тропинке стуча батоном.
Его ждут там не самые худшие.
Ну а худшие, верно, не ждут,
Чтоб отдать
свои души заблудшие
На суровый и праведный суд.
Он побрёл,
посылая сердечные
Поцелуи кресту на холме...
Колосок,
что оставлен для встречного,
Закачался в дырявой суме.
Закачался,
как ценное снадобье...
Иоанн всем делиться привык!
Он-то знает,
что крошку да надо бы
Иногда положить под язык...

ЛЁД

Вчера я всю ночь прокатался
Над городом - там, в вышине. -

На небе лёд
высшего класса!
Вы, что же... не верите мне?
И правильно,
правильно, люди:
Я вру, не краснея, я вру.
За ложь пусть судья
меня судит,
Но не в тревожном бору.
Пусть судит сурово
и строго...
А я - не прошусь в чудаки:
Чудак,
он же родственник Богу!
Не верьте опять, мужики.
Не верьте опять вы,
но всё же,
Быть может, за муху в соку,
Найдётся один тонкокожий,
Кто снять мне без шуток
поможет
Звезду,
что прилипла к коньку?

ГАЛКА

По кладбищу
бродят старушки.
Печальней в округе нет мест.
Могилка отца, как церквушка,

Ушедшая в землю по крест.
Хоть здесь я бываю нередко,
Да всё не пойму я, живой,
Что ждёт от меня там,
на ветке,
Платок,
что оставлен вдовой...

БЕЛОМОР

Смерть, она подождёт,
Смерть, она не прокиснет.
Может, мне в этот год
Закопать свои мысли?
Закопать прямо в сад,
В рай, что весел и звонок?
В нём сейчас, говорят,
Нет колхозных бурёнок.
Нет малиновых звёзд,
Нет агиток сердитых.
Нет дымка папирос,
Среди леса прорытых.
Нет суровых собак,
Нет изнеженной фальши.
...Интересно... А как
Назовёт свой табак
Тот, кто будет жить дальше?

ОКОП

А. Блоку

Покой нам снится?
Ах, родные, бросьте! -
Покой бывает
Только на погосте,
Когда уже
Лежишь в сыром гробу,
Доверив Богу
Душу и судьбу.
А если же вокруг
Шумит война
То и во сне
Орудует она!
То и во сне она,
Теряя стыд,
До шеи дотянуться
Норовит,
Чтоб сжать её,
Скрипя зубами, сжать!
Когда умру,
Не буду возражать,
Если ко мне
В мой неказистый гроб
Подбросят люди
Вырытый окоп...

КОМАРЫ

Постучался в окошко комар,
Мол, неси, друг,
на стол самовар,
Мол, попьём мы сегодня чайку,
Вспомним лес
и, конечно, реку,
У которой круты берега.
В комаре я не вижу врага.
А что врёт он,
так многие врут -
Потому хорошо и живут:
В ус не дуют да учат других.
Не хочу отличаться от них!
Вот послушайте кривду мою:
То, что пьют комары, я не пью...